

6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://flensburger-files.wordpress.com/2017/04/19/genre-of-the-week-mr-peabodys-apples-by-madonna/>. – Дата доступа : 07.10.2016.
7. Аудиозапись сказки Мадонны «Яблоки мистера Пибоди» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://youtu.be/4UwAkgWnlhQ>. – Дата доступа : 10.10.2016.
8. Аудиозапись сказки Мадонны «Английские розы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – https://www.youtube.com/watch?v=c_rUx3XBwvg. – Дата доступа : 20.11.2016.
9. Аудиозапись сказки Мадонны «Яков и семеро разбойников» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://www.madonnaglam.com/news/yakov-and-the-seven-thieves-book-reading-/>. – Дата доступа : 8.12.2016.
10. Аудиозапись сказки «Приключения Абди» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://www.madonnaglam.com/news/the-adventures-of-abdi-book-reading-/>. – Дата доступа : 13.01.2017.

ЧТИВО ИЛИ СЕРЬЕЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА?
РОМАН Д. ТАРТТ «ЩЕГОЛ»

Ю. В. Стулов

Минский государственный лингвистический университет

Присуждение в 2014 году Пулитцеровской премии роману Донны Тартт «Щегол» («The Goldfinch») вызвало шквал откликов со стороны как поддержавших этот выбор, так и осуждавших решение жюри на родине писательницы и далеко за ее пределами. Вслед за американскими критиками Е. М. Фомина утверждает, что роман «произвел настоящий фурор в литературном мире» [1, с. 261], а Е. Н. Ищенко и М. К. Попова увидели в нем «поворот от постмодернизма к иным формам построения художественной реальности» [2, с. 67]. Правда, в чем выражаются эти «иные формы», – не вполне ясно из их размышлений над романом, поскольку авторы ограничиваются исследованием экфрасиса как структурообразующего элемента художественного мира Донны Тартт. О пользе романа высказались «высоколобые» критики из «Нью-Йорк таймс» и других престижных изданий. Пестрит восторженными отзывами страничка отзывов сайта goodreads.com, где читатели оценивают роман высшим баллом – «пять звезд».

С другой стороны, в адрес Тартт идут и критические стрелы, что связано как с самим романом, так и характерными чертами ее творческого почерка, что становится очевидным при прочтении всех трех ее романов («Тайная история», 1992; «Маленький друг», 2002; «Щегол», 2013). Признавая писательский дар Тартт, ее серьезную подготовительную работу при написании книг, безусловную эрудицию, умение вовремя откликаться на

насуточные проблемы времени, нельзя пройти мимо явных промахов, на которые обращают внимание многие критики и читатели. Например, одна из читательниц называет книгу «огромной глыбой огромности» (*this enormous hunk of enormousness*) и завершает свой комментарий резким суждением: «Я испытываю отвращение к персонажам, терпеть не могу книгу и начинаю ненавидеть автора, потому что у нее заняло десять лет написать книгу, и она хочет, чтобы мы потратили еще десять лет, чтобы прочитать ее. Фу!» [3]. А Дарье Ситниковой роман напоминает «комод прабабушки: не замечать невозможно, пользоваться травматично, выкинуть – в голову не придет. ...Идеальная книга, если хочешь всего и сразу: сюжета, языковых игр, артового контекста и интеллектуального подтекста» [4].

Вместе с тем сам факт награждения книги важнейшей литературной премией США заставляет внимательно присмотреться к этому роману, чтобы попытаться понять, что происходит в современном литературном процессе, какие жанровые характеристики и писательские стратегии определяют успех/неуспех книги на книжном рынке. Это многомиллиардный бизнес, в случае успеха гарантирующий огромные прибыли литературной продукции, и, соответственно, именно он диктует творцам правила работы, определяющие характер создаваемого произведения. Возможно, это случилось и на романе Донны Тартт, тем более что его выход сопровождался агрессивной рекламной кампанией, где писательнице приписывались свойства «нового Диккенса».

Как и в случае с двумя предыдущими романами, работа над «Щеглом» заняла у нее более десяти лет, продемонстрировав ее уникальную способность, используя испробованные предшественниками сюжетные ходы и личностные черты персонажей, отсылающие к героям классической литературы, создать свой оригинальный художественный текст. Следует прямо сказать, что «Щегол» перенасыщен интертекстуальными связями и культурными реминисценциями, которые начинаются с имен и перетекают в более сложные литературные и философские построения. Общим местом стало сравнение жизненных ситуаций героев романа с перипетиями диккенсовских Оливера Твиста, Ноя Клейпола, Пипа, Эстеллы, резкими сюжетными поворотами, характерными для «Приключений Оливера Твиста» или «Больших надежд». Сама писательница и не скрывает этих заимствований. Для нее это один из важных приемов, помогающих ей вырваться из пространства бестселлеров, хотя это и является одним из типичных показателей массовой литературы. Нельзя не согласиться с Ю. Дубовым, который пишет, что попытка Тартт «рассказать о мире Диккенса – ... это не подражание, не имитация. Это именно импровизация, и импровизация великолепная» [5]. Она полной мерой черпает лучшее из прошедшей испытание временем и читательской публики «высокой» литературы, что было отмечено еще в самом начале ее литературной карьеры. О. Ю. Анцыферова верно подчеркивает, что «Тартт умеет наделять свои бестселлеры свойствами серьезной литературы» [6, с. 165].

В большой степени Тартт строит свой роман по лекалам «романа воспитания», о чем пишут многие исследователи (О. Анцыферова, Ю. Дубов, А. Цветков, Е. Фомина и др.), поскольку подросток проходит «школу жизни» и открывает сложность и противоречивость жизни. На своем опыте он узнает, что есть добро и зло, обнаруживая драматический разрыв между потребностями души и зовом плоти. Читатель с напряжением следит за его взрослением, которое занимает 14 лет, в течение которых он формируется как личность, и апофеозом становится финал романа, когда Тео на деньги, полученные за возвращение в музей картины, выкупает тщательно сделанные им подделки.

Тартт осложняет жанровые характеристики произведения, вводя элементы триллера, авантюрного, криминального, психологического романа и т.д., причем пропорции эти разные. Наиболее удачной представляются те эпизоды книги, где читатель знакомится со внутренним миром Тео, изменениями его мировоззрения, борьбой разнонаправленных сил в его неокрепшей душе. Делается же это с опорой на авантюрные ситуации, в которых подросток определяется со своими понятиями истинного и наносного, правды и иллюзии. На пути к развязке книга переносит героя из Нового Света в Старый, сталкивает с мафией, приводит к убийству и попытке «залечь на дно» и заставляет читателя переживать за Тео Деккера, вовлеченного в бурный поток злоключений. При этом неоднократно возникает мысль прервать чтение, а то и вовсе бросить книгу: череда умопомрачительных событий представляется слишком неправдоподобной, к тому же она сопровождается многочисленными рассуждениями об искусстве, философии, литературе, пестрит именами известных писателей, художников, мыслителей. А уж упор на изображение алкоголических и наркотических состояний персонажей переходит все границы. Автору не всегда удается контролировать полет фантазии, отчего роман местами провисает, становится рыхлым.

«Щегол», безусловно, бестселлер, созданный по принципам этого вида литературы, но это достаточно «вкусный» продукт, поскольку Донна Тартт не хочет довольствоваться лаврами мастера массовой литературы, пусть и удостоенного похвалы самого Стивена Кинга, который благодаря экспериментам в жанрово-тематических разновидностях массовой литературы стал самым богатым писателем за всю историю. Тартт пытается насытить свою книгу философскими и эстетическими размышлениями; приключения ее героя Тео Деккера помещены в контекст современной Америки с ее социально-политическими проблемами, что, впрочем, тоже типично для массовой литературы (достаточно вспомнить многие романы С. Кинга или Х. Роббинса). Это и террористический акт, лежащий в завязке сюжета и напоминающий о событиях 11 сентября, и проблема мигрантов, и гангстеризм, и русская мафия, и система школьного образования, и приоритеты современной молодежи с отсутствием моральных принципов, наркотиками, алкоголизмом, сексуальной распущенностью, жестокостью и инфантилизмом.

Вряд ли случайно Тартт заставляет своего героя колесить по Америке, открывая для себя не только ее разнообразие, но и определенные стереотипы, которые действуют одинаково и в Нью-Йорке, и в Калифорнии, и в американской провинции, вызывая протест в неокрепшей душе подростка-сироты, который пытается найти точку опоры в непонятном и лживом мире. Друг Тео Борис, наполовину украинец, наполовину поляк, который выступает в роли его старшего учителя, приобщающего его к «прелестям» жизни, знает, почему Тео так легко поддается искушениям: «You were unhappy. Drank yourself unconscious all the time» [7, p. 621]. Проблема не только в трагических обстоятельствах его жизни (взрыв в музее, смерть матери, затем гибель отца, незнакомые люди, с которыми его сталкивает жизнь, трудность вписаться в новую действительность, отсутствие моральных препон и т.д.). Это перевернутый мир, в котором правит случай. Придя в себя после взрыва, подросток обнаружил себя “among pens, handbags, wallets, broken eyeglasses, hotel key cards, compacts and perfume spray and prescription medications” [Ibid, p. 36]. Точно также он будет ощущать себя в приемной семье, в антикварном магазине, в доме с пьяным отцом и его любовницей – без возможности укорениться, создать свой мир, проложить свой путь в жизни. О том, какую плату необходимо заплатить, чтобы достичь мира в своей душе, и идет речь в романе. У Донны Тартт получилось создать атмосферу постиндустриального мира, в котором трудно найти опору, поскольку само понятие ценностей не только изменилось, но зачастую и отсутствует, что становится одной из главных причин комплексов в душе подростка, воспитанного интеллигентной и умной матерью.

Хаос, смятение в голове и говорящий на разных языках, включая матерный, Борис – хитрый, авантюрист и прохиндей, Ловкий Плут в исполнении Донны Тартт, преподающий Тео уроки жизни. Оказавшийся незаменимым – во всех смыслах – и в конце концов благородным, решившим для Тео его самую трудную морально-этическую проблему: как вернуть в музей вынесенный после взрыва маленький шедевр мирового искусства – картину знаменитого голландского живописца К. Фабрициуса «Щегол».

Картина Фабрициуса играет важнейшую роль не только в развитии романного сюжета. Донна Тартт утверждает особую роль в жизни человечества высокого искусства с его идеалами, вечными ценностями, торжеством добра и света: “...in the midst of our dying, as we rise from the organic and sink back ignominiously into the organic, it is a glory and a privilege to love what Death doesn't touch. For if disaster and oblivion have followed this painting down through time – so too has love. Insofar as it is immortal (and it is) I have a small, bright, immutable part in that mortality. It exists; and it keeps on existing” [Ibid, p. 864]. Переживания, связанные с картиной, позволяют наделять характер Тео глубиной, которой лишены остальные персонажи этого густонаселенного произведения (Они достаточно схематичны и по-

верхностны, включая Пиппу, привлекающую внимание читателя только за счет явной отсылки к Эстелле из «Больших надежд» (Пип, влюбленный в нее, – Пиппа, к которой так привязан Тео)).

Драматическая судьба картины развивается параллельно событиям в жизни Тео, приводя к несколько напыщенному финалу романа, в котором, по мнению Е. Ищенко и М. Поповой, «звучит авторская надежда на возможность преодоления культурного варварства, вера в значимость искусства и силу его воздействия» [2, с. 71]. Действительно, одна из немногих сохранившихся картин Фабрициуса, вокруг которой строится действие романа, по-прежнему привлекает внимание миллионов людей, будит их чувства, заставляет думать, а это в наши дни Интернета и гаджетов – важнейшая задача, и сам факт появления книги и оригинального оформления форзаца, где перед читателем представлена эта картина, вызвал огромный интерес во всем мире как к личности художника, так и к живописи в целом. Но весь финал романа представляется достаточно искусственным, скорее похожим на философическое размышление или своего рода лекцию, снижая впечатление от книги. Нельзя пройти мимо и затянутости романа (более 800 страниц плотного текста), безусловной перегруженности сюжетной линии, во многом вторичности некоторых эпизодов романа, клишированности отдельных образов, особенно представителей бывших советских граждан, банальности показа преступлений «русской мафии», стилистической небрежности и некоторых других недочетов (Правда, в передаче особенностей русского мата Таррт проявила себя виртуозом: семантика русской и английской табуированной лексики резко отличается, и писательнице удалось передать важные оттенки, которые несут с собой русские «выражения»).

Все это не отрицает того факта, что перед нами интересный эксперимент, показывающий, что в руках такого одаренного и образованного писателя, как Донна Таррт может возникнуть произведение, удовлетворяющее и вкусам массового читателя, и «продвинутой» читательской аудитории. Человек не сводим к простым схемам; каждый поступок – лишь эпизод в целой цепи событий, определяющих человеческую жизнь, управлять которой человек не всегда властен.

Голливуд, где все четко просчитано, уже увидел возможности коммерческого успеха, и в 2019 году нас ожидает премьера фильма, создающегося по роману.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фомина, Е. М.* «Щегол» Д. Таррт как роман воспитания / Е. М. Фомина // Новый филол. вестн. – 2017. – № 4(43). – С. 261–271.
2. *Ищенко, Е. Н.* Экфрасис как структурообразующий элемент художественного мира и маркер современного отношения общества к искусству в романе Д. Таррт «Щегол» / Е. Н. Ищенко, М. К. Попова // Вестн. Балтийск. фед. ун-

та им. И. Канта. – Сер. Филология, педагогика, психология. – 2016. – № 2. – С. 66–73.

3. Diane's Review [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.goodreads.com/review/show/666572155?book_show_action=true&from_review_page=1. – Дата доступа : 10.02.2017.

4. Ситникова, Д. «Замыслы» Саши Филиппенко против «Щегла» Донны Таррт / Д. Ситникова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kuku.org/cult/zamysly-sashi-filipienko-protiv-shchiegla-donny-tartt>. – Дата доступа : 24.06.2018.

5. Дубов, Ю. «Щегол»: Записки реконструктора / Ю. Дубов [Электронный ресурс] // Новый мир. – 2015. – № 4. Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/4/13dub.html. – Дата доступа : 24.06.2018.

6. Анцыферова, О. Ю. «Южный миф» и роман Донны Таррт «Маленький друг» / О. Ю. Анцыферова // Филология и культура. Philology and Culture. – 2015. – № 2(40). – С. 165–170.

7. Tarrt, D. The Goldfinch / D. Tarrt. – London : AVACUS, 2015. – 864 p.

ЭКСПЕРИМЕНТ НАД ФОРМАЙ ТВОРА Ў АМЕРЫКАНСКОЙ І БЕЛАРУСКОЙ ПРОЗЕ ПРА ПЕРШЮЮ СУСВЕТНУЮ ВАЙНУ (20–30-я гг. XX ст.)

З. І. Трацяк

Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт

Першая сусветная вайна не аднойчы станавілася аб'ектам ўвасаблення ў праявічых творах. Мастакі слова з розных краін заўважалі, што адмысловы матэрыял патрабаваў новых форм увасаблення. Амерыканскія і беларускі пісьменнікі (Дж. Дос Пасас, Э. Э. Камінгс, Э. Хемінгуэй, З. Бядуля, А. Гародня, М. Гарэцкі) спрабавалі свае сілы, звяртаючыся да прыёму мантажу, карыстаючыся пэўнымі мадыфікацыямі арнаментальнай прозы, уводзячы ў аповедавую канву новыя пласты лексікі.

Напрыканцы XX ст. адзін з герояў-апавядальнікаў будучай хронікі «Галасы Утопіі» С. Алексіевіч, разважаючы пра Вялікую Айчынную вайну (яскравы дзіцячы ўспамін) зазначыў: «Вось распавёў вам ... І гэта ўсё? Усё, што засталася ад гэтакага жаху? Некалькі тузінаў слоў ... Гукі ... Я заўсёды бянтэжуся ...» [1, с. 196]. Падобная разгубленасць дамінавала і ў пачуццях прафесійных мастакоў слова, якія ўсё мінулае стагоддзе спрабавалі распавесці гісторыю перманентнай вайны. Пачынаючы з 1914 г., узброеная барацьба набывала пачварныя формы, таму ўзнікала ўражанне, што творчай асобе не хапала словаў, каб паслядоўна выкласці бязмежны абсяг грамадскіх праблем.